

О книге А.А. Амальрика «Норманны и Киевская Русь»: взгляд из 1960-х.

д.и.н. В.Я. Петрухин

Книга А. Амальрика вышла в тот период, когда стала утихать волна реанимации традиционного антинорманизма XVIII в. (А.Н. Сахаров, В.В. Фомин и др.), не вызвавшая сочувствия даже в том течении историографии, которое рассматривает внешнее воздействие на историю России, как «химеру» (Дворниченко 2014; см. о реакции на эту антинорманистскую тенденцию в приложении О.Л. Губарева — с. 119 и сл.). Книга готовилась А. Амальриком — еще студентом Исторического факультета МГУ в 1960-е гг., время оттепели: оттепель мало коснулась «норманской проблемы» (или варяжского вопроса) — слишком близки были времена шовинистической истерии последних лет сталинского режима, когда «призвание варягов» расценивалось как признак низкопоклонства перед Западом и бывшим смертельным врагом — немецким нацизмом.

Правда, в 1956 г. вышел *перевод* классической книги археолога Л. Нидерле «Славянские древности»: редактор перевода и друг отца А. Амальрика археолог А.Л. Монгайт дал «объективистские» примечания к вполне взвешенным характеристикам чешского слависта «норманской теории», не протестуя против представлений Нидерле о скандинавском происхождении руси. А. Амальрик не был археологом и не владел теми новыми материалами, которые вынудили, в конце концов, науку заняться объективной оценкой степени присутствия норманнов в русской истории. Да и рассчитывать на содействие археологов тогда не проходило — мои учителя проф. Д.А. Авдусин и зав. кафедрой А.В. Арциховский^[1] считали вклад норманнов ничтожным: Арциховский выступил с такими выводами в 1955 г. на Всемирном конгрессе историков (там же с докладом о сложении государства у славян выступил Б.А. Рыбаков, чья позиция разбирается автором в конце книги). Арциховский опубликовал свой по преимуществу «вещеведческий» доклад в 1966 г. (Арциховский 1966), Авдусин отрицал тогда скандинавскую принадлежность большей части погребальных комплексов исследуемых им гнёздовских курганов.

Историки живо реагировали на оттепель, особенно после разоблачительного XX съезда, но их интересы были далеки от древности. Впрочем, в 1965 г. вышла книга ленинградского историка И.П. Шаскольского «Норманская теория в современной буржуазной науке»: несмотря на официозный заголовок, книга содержала конкретную информацию о подходе к проблеме западных коллег, которая будила исследовательскую мысль.

Пересмотр основ официозного в советской историографии «антинорманизма» вызревал подспудно, до того, когда уже во второй половине 1960-х гг. на кафедрах археологии ЛГУ и МГУ сформировались проблемные семинары, ориентированные на исследование скандинавским древностей^[2]. Историографическую книгу «Спор о варягах» закончил в 1960 г. аспирант Истфака ЛГУ Л.С. Клейн^[3] — она была опубликована лишь в 2009 г., но была положена в основу спецкурсов (в том числе на грядущем семинаре) и использовалась на занятиях в школьном кружке, который посещал О.Л. Губарев — ему принадлежит заслуга открытия рукописи Амальрика и ее издания.

Можно заметить, что студенческий романтизм явно подхлестывал интерес А. Амальрика к запретной теме и стремление к исторической истине (это стремление и привело к его отчислению из МГУ в 1963 г.): ныне и вовсе наивным выглядит удивление будущего диссидента по поводу перлюстрации почты, не защищенной дипломатическим иммунитетом — так его рукопись о варягах попала через датское посольство не адресату — известному слависту А. Стендер-Петерсену, а в КГБ.

Не без романтизма начинает молодой исследователь и свою работу, поминая слёзы Карла Великого, увидевшего норманнов — грядущих страшных врагов. Не обошлось и без стереотипов советской историографии: утверждения об отсутствии государственности у норманнов — поэтому они не могли воздействовать на процессы образования государств в Восточной Европе, принести с собой летописный «наряд»/порядок (С.19). Приводятся и немногочисленные скандинавские заимствования в русском языке, их немногочисленность в «антинорманистском» дискурсе традиционно должно было свидетельствовать о немногочисленности самих норманнов (с.20)^[4]. Амальрик сознательно не привлекает археологические данные: в те времена они практически не были доступны начинающим исследователям, да и раскопки, демонстрирующие раннюю социальную дифференциацию и преемственность институтов и центров власти, связующие эпоху викингов с меровингским и даже позднеримским временем, относятся к новейшему периоду^[5]. Вопрос поставлен автором традиционно: не было ли русское государство результатом «столкновения двух антагонистических начал»? Этот вопрос волновал всю русскую историографию, начиная со славянофилов: еще И. Киреевский отмечал невозможность варяжского завоевания почти сразу после изгнания варягов, упоминаемого летописью накануне призвания князей (Киреевский 1979. С. 277-278).

Летопись — Повесть временных лет (ПВЛ) — остаётся главным источником по норманской проблеме, и представления А. Амальрика естественно основываются на устоявшихся в историографии подходах к истории летописания, сформулированных еще А.А. Шахматовым в начале XX в. Летопись представляла собой *свод* разных текстов, а филологическое источниковедение того времени было ориентировано на поиски текстов, предшествующих анализируемому: когда эти поиски основывались на сравнительном анализе сохранившихся текстов — для ПВЛ таким коррелятом была Новгородская первая

летопись – реконструкции общих предшествующих сводов оказывались достаточно обоснованными. Таков реконструированный Шахматовым Начальный свод; более глубокие реконструкции – Древнейшего Киевского свода и внешних источников летописания – т.н. болгарской летописи постоянно вызвали сомнения не только критиков, но и последователей Шахматова. С 1990-х годов, когда возможно стало свободное обсуждение и текстологических проблем, связанных с начальной русью, сомнениям стали подвергаться и установки Шахматова, основанные на реконструкции Начального свода, и выделение им редакций ПВЛ, в частности, отнесение текста, сохраненного Ипатьевской летописью к позднейшей третьей редакции. Амальрик основывался на этих установках, что поначалу исказило в целом верный его подход к проблеме начальной руси. В частности, вслед за Шахматовым, он настаивает, что *русью* варяги и словене Олега прозвались только в Киеве (с.30): неверное понимание летописного «оттоле» (с тех пор) заставляет исследователей игнорировать летописное утверждение о том, что призванные варяги прозвались русью уже в Новгороде.

Эти стереотипы несколько снижают ценность перспективных наблюдений Амальрика над текстом легенды о призвании, в том числе демонстрирующих непервичность конструкции текста, относимого к Начальному своду. Он верно заметил, что составителю Новгородской летописи непонятны были слова ПВЛ о князьях, взявших с собой «всю русь»: для него (в XIII в.) «русь» была уже на юге, в Киеве. Однако, и здесь он следует установке Шахматова о том, что речь идет о народе (с. 30-31): новгородец был более точен, усматривая в руси именно дружину – это понимание сохраняет вставленная тем же новгородцем в свою летопись Русская правда, на чем справедливо настаивает ниже (с. 36) сам автор (ср. также: Петрухин 2017. С. 416 и сл.). Далее Амальрик возвращается к распространенному в разных источниках – у Константина Багрянородного и в договорах руси с греками – фразеологизму «вся русь», означающему, по его мнению, «и страну и сословие» (дружину)^[6].

Вообще поиски автора 1960-х гг., которому не были доступны ни последующие лингвистические (этимологические) разработки, связанные с происхождением самого имени *русь*^[7], ни текстологические изыскания, связанные с подготовкой комментария к изданию текста Константина Багрянородного (Амальрик использует издание 1930-х гг. в Известиях ГАИМК), имеют принципиальный историографический интерес.

«Доказательства норманнства Руси», приводимые автором, основываются на традиционных и вполне достоверных источниках – перечислении названий порогов в трактате Константина Багрянородного, именах послов в договорах руси с греками и т.д.

Релевантность этих доказательств всегда ставилась под сомнение антинорманистами, и А. Амальрик сосредоточивает свою критику (с. 41 и сл.) на исследователе, первым в советской историографии специально выступившим против «норманизма» – это был классик истории древнерусского права С.В. Юшков. Разоблачительная критика его работы о происхождении русского государства, опубликованной в 1940 г., в целом справедлива — Юшков опирался на общие места критики «норманизма» историографами XIX в.: он признавал, впрочем, скандинавское происхождение варягов, но не имени *русь*, а главное — игнорировал задачи источниковедения. На этих позициях «залуженный деятель науки» С.В. Юшков оставался и в послевоенный период, когда опубликовал книгу «Общественно-политический строй и право Киевского государства» (М., 1949). Показательно, вместе с тем, отсутствие в антинорманизме Юшкова обвинительных инвектив в адрес норманистов, как исконных (со времен Ломоносова) врагов русского народа и его культуры, дошедших в послевоенной советской историографии до истерической тональности (ср. о космополитах и прочих врагах — Мавродин 1949), сохраняющейся в современной националистической публицистике. Что заставило серьезного историка права Юшкова обратиться к стереотипам старой историографии?

Главной задачей формирующейся «новой» — советской историографии была демонстрация местных основ (базиса) процессов образования государства, что соответствовало бы установкам догматического марксизма. Древнейшие источники противопоставляли русь славянам: единственной возможностью увязать это противопоставление с «общественно-политическим строем» была социальная, а не экзогенная этническая интерпретация начальной руси. Правовед Юшков напомнил, что в одном позднем списке «Русской правды» термин «русин» был заменено термином «горожанин»: значит, русь отличалась от славян как жители городов от сельских землепашцев. Недаром Ибн Русте еще в начале X в. писал, что у руси пашен нет – они питаются тем, что добывают от славян. Парадоксальным образом эта интерпретация руси как социальной группы соответствует взглядам А. Амальрика, усматривающего и в скандинавской руси не народ, а дружину.

Показательно, что официозная наука с энтузиазмом восприняла «антинорманизм» Юшкова, но не его социальную конструкцию (во многом перекликающуюся с раскритикованной теорией торговых городов Ключевского). В послевоенный период отечественной историографии нужны были автохтонные этнические – славянские корни именно русского народа, совпадающие с древним городским – столичным регионом. Киев – «мать городов русских», объявлялся древнейшим городом, лейтмотивом автохтонистской этногенетической конструкции стали летописные слова о киевских жителях – «поляне, яже ныне зовомая русь». Разбор этой формулировки, обычно вырывающейся из контекста, естественно привел А. Амальрика к интерпретации очевидной (со времен Н.К. Никольского) летописной «тавтологии»: полянами назывались не только жители Киева, но и население Великопольши, «поляне ляхове». Чтобы различить полян киевских и ляхских летописец сделал ремарку – киевские поляне в его время («ныне») зовутся русью (с.50-51).

Замечу, что конструкция летописца была более замысловатой: фраза о полянах-руси читалась в конце летописного рассказа о «Преложении книг на словенский язык» -кирилло-мефодиевской миссии. Этот рассказ был анахронистически помещен под

898 г., в рассказ о княжении Олега, когда первоучителей уже не было в живых. Летописец включил в ПВЛ договор Олега с греками 911 г., написанный по-русски: чтобы объяснить, каким образом письменный язык, созданный для славян Центральной Европы (в том числе польских полян) стал доступен руси, летописец сделал необходимую ремарку. завершив работу убийственной для «антинорманистов» фразой – «А словенский язык и русский одно есть, от варяг бо прозвашася русью, а первое бѣша словене» (ПВЛ. С.16; см. Петрухин 2017. С. 210-216).

Критический разбор «полянской теории» А. Амальрик дает на примере статьи М.Н. Тихомирова “«О происхождении названий «Русь» и «Русская земля»” (1947). Замечу, что автор не вполне справедливо упрекает Тихомирова в игнорировании работ Шахматова: интересно, что Тихомиров отвергает «норманистские» конструкции знаменитого текстолога (о колонизации юга Восточной Европы скандинавской русью), но не ссылается на него, когда заимствует его утверждения об отсутствии отождествления варягов и руси в Новгородской летописи (Тихомиров 1947. С. 70-71). «Положительные» заключения Тихомирова основываются на давно отвергнутой кабинетной этимологии имени *русь*, которая возводится к южной гидронимии — пресловутой речке Рось, которая по-древнерусски писалась как *Рѣсь* (соответственно, ее населением были не «росы» и не «русы», а «поршане»).

Автохтонистской конструкции Тихомирова следует в послевоенной редакции своей «Киевской Руси» и Б.Д. Греков: у него традиции славян земледельцев восходят к энеолитической трипольской культуре. Греков отвергает социальную интерпретацию имени *русь*, предложенную Юшковым, русь происходит из полянского Киева; попытки продолжить исследование славяно-скандинавских отношений в связи с происхождением имени *русь* у зарубежных ученых признаются однозначно «реакционными»: таков был итог официозной историографии, с которой пришлось иметь дело А. Амальрику (избранные труды Грекова были изданы в 1959 г. – Греков 1959)^[8].

Амальрик принимает «грековское» обозначение Древнерусского государства «Киевская Русь», хотя первые известия о руси никак не связаны с Киевом. Не связан с ним и исследуемый автором историографический фантом, который он сам справедливо ставит в кавычки – «Русский каганат». Провоцирующее на конструкцию этого фантома о первое упоминание руси — появление «народа Рос», правителем которого был «хакан», в столице империи Каролингов Ингельхайме в 839 г. справедливо соотносится автором с рассказом о синхронном посольстве хазарского кагана в Константинополь (замечу, что такого мнения придерживался и Юшков). Посольство просило греков о строительстве крепости Саркел на Дону – этой магистралью (до широкого использования днепровского пути из варяг в греки) пользовалась и начальная русь, прознававшая власть хазарского кагана. Автор, однако, не удерживается от попыток поиска «Русского каганата», поминая «остров русов», описанный Ибн Русте (и др. восточными авторами) и отмечая «эпизодичность» этого раннего норманнского государственного образования где-то на севере Восточной Европы (с. 61). Здесь Амальрик оказывается во власти историографических стереотипов: он отмечает продвижение носителей скандинавского имени *русь* с севера на юг, где это имя адаптируется к привычному на юге дославянскому имени *рос-* (роксоланы, аорсы и т.д. вплоть до индоиранских ассоциаций, возрождённых недавно О.Н. Трубачевым), что отразилось в словах «Россия» и «русский». К сожалению, А. Амальрик не использовал вышедшую в «Византийском временнике» (выпуск XII) в 1958 г. статью А.В. Соловьева «Византийское имя России»: то было *книжное* имя, воспринятое опять-таки книжностью уже средневековой Руси. Очевидно оно воспроизводило не реалии юга Восточной Европы, а самоназвание тех групп руси, которые говорили по-скандинавски и называли себя *roPeR, «гребцы» (по этимологии, предложенной еще В. Томсенom – ср. Бибииков и др. 2000). Это дружинное имя русь использовала и в Ингельхайме, когда выяснилось, что *происходят* они от народа свеонов – «шведов».

Историографическим стереотипам следует А. Амальрик и при изложении истории первых русских князей, отрицая верное наблюдения А. Стендер-Петерсена о том, что исправный текст варяжской легенды сохранился в Ипатьевской летописи, и приводя безграмотную кабинетную этимологию имен призванных князей – якобы Рюрик пришел со своим *домом* (у Амальрика – родом) и верной дружиной (с. 69). Это позволяет ему произвольно расчленять текст варяжской легенды, предполагая начальную норманнскую «сагу» об основании Рюриком Новгорода (где призванный князь появился в 920-30х гг. на шесть десятилетий позже летописной даты 862 г. – с. 72); эта сага была потом распространена славянским преданием о трех братьях-варягах. Очередная реконструкция истории летописного текста, основанная на предшествующих реконструкциях Шахматова, не выглядит убедительной. Далее увлеченный собственными конструкциями автор начинает противоречить сам себе: стремясь разделить, в соответствии с реконструируемым Шахматовым Начальным сводом, Олега и Игоря, которые не могли идти вместе из Новгорода в Киев (как описывает это событие ПВЛ), Амальрик разделяет Аскольда и Дира, как князей киевских князей, правивших в разное время. Этой конструкцией удается искусственно растянуть русскую историю, сжатую в летописном изложении до правления всего двух князей — Рюрика и Игоря (его соправителем рисуется Олег). При этом Амальрик ссылается на известие ал-Масуди, который поминает «первого из славянских царей ал-Дир» (с. 80): начальная и вполне справедливая установка Амальрика, что у восточных авторов (в том числе ал-Масуди) славяне и русь – разные народы, а то что в летописи (и по именам) и Аскольд, и Дир – варяги, здесь забывается.

Описание захвата Олегом Киева завершается неудобочитаемой фразой: «осев в Киеве, дружина Олега была ассимилирована местной верхушкой — русью» (с. 82). Ее смысл, как уже говорилось, противоречит всем летописным данным о северном (новгородском) происхождении варяжской руси. Поскольку отрицать реальность договора Олега с греками, заключенного в 911 г., оснований нет, автор предполагает, что после смерти пришлого норманнского князя от коня (912 г.), в Киеве вокняжился другой пришлый норманн – Дир (с. 83). Этой конструкции противоречит, однако, документ, традиционно

используемый любителями переписывать летописную историю: это еврейский Кембриджский документ, относящий поход некоего русского князя Хелгу на Византию к правлению императора Роман Лакапина (920-944). Ничего общего с историей Олега, кроме совпадения скандинавского имени, деяния Хелгу не имеют: Хелгу потерпел поражение в Причерноморье и, бежав, погиб где-то в Персии; могила Вещего Олега располагалась в Киеве, имя же Олег, как и имя Игорь, оставалось популярным в русском княжеском роде не только в X в., но и позже. Автору приходится еще дальше к середине X в. приближать вокняжение Дири в Киеве, его убил очередной варяг, явившийся в Киев и совершивший очередной поход на Византию уже в 941 г. — Игорь. Провоцирует на эти никак не соотносящиеся с источниками конструкции не критическое восприятие автором позднесредневековых компиляций, в данном случае — М. Стрыйковского, где Игоря убивает некий древлянин Малдит, наследник Дири. Польская средневековая историография действительно настаивала на славянском — полянском происхождении первых «легитимных» правителей Киева и исконной принадлежности «полянской» Руси полякам (ср. Флоря 1990). Впрочем, сам Шахматов увлекался иногда привлечением поздних источников (в отношении варяжской легенды и при конструкции родословных — ср. у Амальрика с.79).

В целом построение Амальрика опирается на данную им в начале романтическую установку — представление о викингах, свободно совершающих набеги в «море славянских родовых общин» и создающих там свои центры. Напомню, что само это «море» утопало в лесах Восточной Европы, где викинги были лишены свободы передвижения (поэтому скандинавы и носили здесь дружинное имя русь/«гребцы») и «тонкие артерии торговых путей» (с.90) были основой всех социально-экономических коммуникаций. Справедливости ради следует заметить, что эта романтическая концепция «норманских завоеваний», которой в отношении призвания варягов придерживался еще Ключевский, остается популярной среди археологов, готовых усматривать в исследуемых ими центрах столицы княжеств (в Гнёздове), «третью Русь» в Верхнем Поволжье и т.п. Эти построения, встретившие неприятие историков[9], на первый взгляд, находят соответствия в летописи — традиционно поминается варяг Рогволод, занявший Полоцк (ср. с.90): при этом игнорируется судьба Рогволода, схожая с судьбой Аскольда и Дири, пытавшихся создать свой независимый центр на пути из варяг в греки. Можно подозревать летопись в тенденциозной конструкции пути из варяг в греки, объединяющей Новгород и Киев с Царьградом, но эта конструкция диктовалась представлениями властной элиты — *всей руси* или «всех росов» по Константину Багрянородному. Этот путь был магистралью, объединяющей «внутреннюю» (киевскую) и внешнюю Россию Константина — имя *русь* получило широкое распространение к середине X в.

Заслуга создания этой государственной магистрали приписывается А. Амальриком княгине Ольге. Впрочем, и здесь он рисует деяния Ольги не как «реформу» после кризиса полюдья и убийства Игоря, а как завоевательный поход: недаром она сажает там сына Святослава[10]. Административная деятельность Ольги отделяется Амальриком от завоеваний (с.94 и сл.). Целью ее была ликвидация «племенных княжений» (напомню, что мы знаем об одном — древлянском) и даже превращение бывших князей в бояр киевского князя: любопытным представляется наблюдение автора, что в договоре с греками Святослава в 971 г. упоминаются уже не князья, а только бояре (впрочем, интерпретация этих формулировок, явно составленных при включении договоров в ПВЛ, нуждается в специальном исследовании).

«Рецидивом» дружинной политики завоеваний считает автор княжение Святослава, противника христианизаторской политики Ольги (в воинственном духе представляется и отношение князя с матерью — он подозревается в убийстве Ольги: с.95). Итог развития киевского государства при Владимире Святославиче увязывается с появлением в «русском языке слова варяг»: действительно, политика Владимира свидетельствует об отношении к скандинавам, как к пришлым наемникам, но и слово, и само отношение формируется раньше — когда Игорь отправляет за море к варягам после неудачного похода 941 г. на Царьград.

Амальрик завершает свою работу возвращением к проблеме формирования государства до «норманских набегов», разбирая «метод» Б.А. Рыбакова на примере упомянутого выше доклада 1955 г. об образовании древнерусского государства. Отмеченные автором несостыковки в отношении Рыбакова к источникам — в основном в связи с реконструкциями Шахматова, справедливы, но в докладе он не мог развернуть свое видение истории летописания: Рыбаков сделал это в монографии о «сказаниях, былинах и летописях», которую готовил одновременно с работой Амальрика и издал в 1963 г. В те же годы развернулась дискуссия об исторических основах эпоса, и Рыбаков выступал в ней как адепт «исторической школы», стремящейся отыскать для любого фольклорного мотива или имени фактическое соответствие в истории. В соответствии с эти «методом» Кий (с его мифопоэтическим именем) должен был быть историческим князем эпохи расселения славян или хотя бы патронимом реального Киева, возникшего в VI в.

Амальрик признает, что представления о миграциях праславян им почерпнуты из самых общих данных, в основном лингвистических (поминается даже проблема прародины индоевропейцев). Замечу, все же, что ни *анты*, ни *венеды* не были самоназваниями славян (в их характеристике автор следует стереотипам советской историографии). Выделение полян, древлян и вятичей (да еще не в бассейне Оки, а на Сейме и Донце) как трех основных восточнославянских общностей (с. 105) выглядит произвольным. Соответственно, помещенная в конце работы хронологическая таблица, где ранняя дата (820) отмечает расселение полян в степи, а древлян — в лесной зоне, продолжает архаическую летописную традицию, противопоставляющую «смысленных» полян диким лесным жителям; синхронизация этих процессов со становлением Русского норманнского каганата на севере (без участия славян) относится к историографическим фантомам. Последующее стремление «рационализировать» летописные даты, убрав лишние десятилетия, с отнесением появления Олега в Киеве к 900 г. и т.д.

напоминает позднейшую попытку «перестройки» русской истории у К. Цукермана – их сопоставление произведено О.Л. Губаревым в приложении к книге.

Автор проговаривается о своем собственном подходе к историческим фактам (с. 107), как к игре с кубиками (в современном мире – легио). Картинка может получиться складная, но *контекст* источников требует иного подхода. Увлеченный открывшейся ему далекой от официозной историографии истиной – скандинавским происхождением руси – автор со студенческим максимализмом стал расправляться с этой историографией и получил традиционный отпор. В опубликованном в приложении отзыве о рукописи Амальрика, составленного в 1970 г. специалистом по истории советского речного транспорта Б.А. Сутырина, отпор был уже анахронистическим даже для эпохи застоя – поминавшим «норманизм» как политическую диверсию против социалистического строя (что обнаруживает заказной характер отзыва, направленного против диссидента — ср. комментарий О.Л. Губарева: с. 112). Историографический интерес представляли бы и документы об исключении Амальрика из МГУ: задетые им официозные историки, будучи профессорами университета, не простили бы Амальрику выпадов против «авторитетов». Как историографический феномен следует рассматривать и работу А. Амальрика.

Обширный комментарий О.Л. Губарева (фактически – вторая часть монографии) нуждается в специальном рецензировании. Здесь мне представляется своевременным поделиться своим опытом столкновения с историографической ситуацией, близкой ко времени написания работы А. Амальрика.

Мне довелось слушать лекции Б.А. Рыбакова и А.В. Арциховского на истфаке МГУ и кафедре археологии (куда удалось поступить в 1967 г., через четыре года после отчисления А. Амальрика). Отношение к норманской проблеме тогда менялось, особенно под воздействием археологии. Д.А. Авдусин предложил мне тему по скандинавскому погребальному обряду на Руси: изучать обряд я продолжил в аспирантуре и с максимализмом, напоминая задор А. Амальрика, выступил с докладом на секторе славяно-русской археологии институт археологии, которым руководил Рыбаков. Речь шла о том, что похороны руса, описанные Ибн Фадланом, соответствовали скандинавским обычаям. Аудитория реагировала на доклад с некоторым смятением (при отсутствии Б.А. Рыбакова), но по завершении доклада ко мне подошел соавтор А. С. Амальрика А.Л. Монгайт и предложил выступить оппонентом на защите (узнав о времени защиты в 1975 г., А.Л. Монгайт сказал, что не успеет – он был смертельно болен и скончался в феврале 1974 г.). Не могу не вспомнить, что при обсуждении темы диссертации на кафедре ее заведующий А. В. Арциховский признал актуальность темы и посетовал, что сам он мало занимался проблемами обрядности.

В те годы, когда А.А. Амальрик увлекся уже иными сюжетами и готовил особенно возмущившую советские власти книгу «Доживет ли СССР до 1984 г.?!», относительно свободная полемика по поводу участия норманнов в строительстве Русского государства приобрела вполне конкретные формы: дискутировалась численность норманнов на Руси и т.п. Запретной для историков оставалась лишь проблема происхождения имени *русь*: для филологов этой проблемы не существовало со времен Байера, открывшего финское наименование Швеции – *ruotsi*; да и этимологический словарь Фасмера издавался не раз при советской власти. В 1985 г. (который ещё «переживал» СССР) вышла в русском переводе книга польского «антинорманиста» Х. Ловмянского «Русь и норманны» — старая книга нуждалась в комментариях, и комментаторы (Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин) дали научную этимологию имени *русь*; тогда же ленинградский археолог Г.С. Лебедев опубликовал монографию «Эпоха викингов в Северной Европе», где придерживался скандинавской этимологии этого имени. Сложнее было со специальными публикациями по этой теме: в 1989 г. было издано комментированное издание трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», и ответственный редактор Г.Г. Литаврин вынужден был выслушивать в Отделении истории АН СССР неудовольствие в адрес нетрадиционной для советской историографии трактовки Руси («росов») в комментарии. Статья тех же Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина об эволюции имени *русь*, сданная в «Вопросы истории», несколько лет лежала без движения: она была опубликована в 1989 г.; показательно, что в начале того же года журнал опубликовал «Секретную дипломатическую историю» Маркса, где тот выступал с «норманистских» позиций к явному смущению советских историков.

Непривычность для историков мысли об экзогенном происхождении имени *русь* давала себя знать и далее: мне пришлось выступать на защите С.В. Соколовым кандидатской диссертации «Концепции происхождения варяжской руси в отечественной историографии XVIII – XIX вв.» в Екатеринбурге, где члены совета выразили недоумение по поводу того, как может соискатель посягать на проблемы, решенные Б.А. Рыбаковым и Д.С. Лихачевым. Пришлось напомнить об отсутствии запретных тем в нынешнем демократическом обществе. За это общество ратовал и Андрей Амальрик.

Литература

Арциховский 1966 – Арциховский А.В. Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура древней Руси. Отв. ред. А.Л. Монгайт. М., 1966. С. 36-41.

Бибииков и др. 2000 — Бибииков М.В., Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Ранние этапы русско-византийских отношений в свете исторической ономастики // Византийский временник 59 (84). М., 2000. С. 35-39.

Горский 1999 – Горский А.А. Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X века// ВИ 1999. №8.

Греков 1945 — Греков Б.Д. Борьба Руси за создание своего государства. М.;Л., 1945.

Греков 1959 – Греков Б.Д. Избранные труды. Т.II. Под ред. Л.В. Черепнина и В.Т. Пашуто. М., 1959.

Дворниченко 2014 — Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры о возникновении древнерусского государства. СПб., 2014.

Мавродин 1949 – Мавродин В.В. Борьба в норманизмом в русской исторической науке. Л., 1949.

Петрухин 2017 — Петрухин В.Я. Русь в IX-X вв.: от призвания варягов о выбора веры. М., 2017.

Флоря 1990 — Флоря Б. Н. Русь и русские в историко-политической концепции Яна Длугоша // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в Средние века / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1990. С. 16–28.

[1] Интересно, что благодарность Арциховскому приносит в предисловии А. Амальрик (с.14), как и благодарность Б.А. Рыбакову, упорно игнорировавшему любые «внешние» воздействия на древнерусскую культуру: вероятно, автор посчитал обязанным поблагодарить своих учителей, читавших общие курсы археологии и древнерусской истории на истфаке.

[2] Л.С. Клейн предложил рецензенту поместить информацию о московском семинаре и общении его участников с ленинградскими коллегами в сборник работ: см. Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. Смоленская археологический семинар МГУ и норманнская проблема// Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб., 2009. С. 301-309.

[3] Замечу, что учителем Клейна был проф. М.И. Артамонов, специалист по истории и археологии хазар: для него известия летописи о хазарской и варяжской дани со славян были важным и верифицируемым свидетельством начальной русской истории.

[4] Замечу, что не все приведенные слова восходят к скандинавскому: слово *князь* является заимствованием из западногерманского в праславянский и приводится как свидетельство обратного воздействия славян на скандинавов – ведь призванные князья не стали называться на Руси конунгами.

[5] См., в частности: New Aspects on Viking-age Urbanism c. AD 750–1100: Proceedings of the International Symposium at the Swedish History Museum, April 17–20th 2013 / Eds L. Holmquist, S. Kalmring , Ch. Hedenstierna-Jonson. Stockholm, 2016.

[6] Те же наблюдения были сделаны рецензентом при подготовке комментария к трактату Константина Багрянородного, вышедшему в 1989 г.

[7] В частности, традиционные поиски основы *рус* в топонимии Севера Восточной Европы (см. с. 37, 60) должны учитывать возможность балтского происхождения гидронимов и т.п.

[8] Впрочем, уже в 1945 г. Греков возводил начало «борьбы (sic!) Руси за создание своего государства» к эпохе расселения славян – в том числе антов, которые «есть восточная русская ветвь славян» (Греков 1945. С. 7). Юшков, напротив, считал неадекватной этническую интерпретацию начальной руси, в том числе, возведение к антам-украинцам у М. Грушевского.

[9] См. о «конгломерате конунгов» — Горский 1999.

[10] Здесь возникают источниковедческие проблемы, от которых автор оказывается далек. Константин Багрянородный действительно поминает «сидение» Святослава в Новгороде, но княжич оказывается там при жизни Игоря (о смерти князя византийский автор не знает).